

45
10

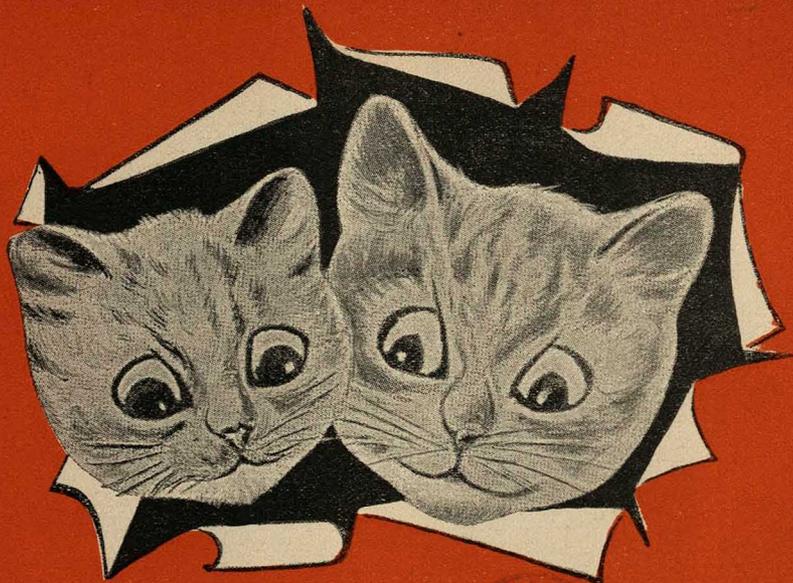
ученымъ Комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія допущена въ продажу въ учебныхъ
библіотени городскихъ училищъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

АВГУСТЪ.

№ 20.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

БЛИЗКІЙ ДРУГЪ.
НА ЦЕРКВИ БЛАГОВѢСТЪ.
ДРУЖОКЪ И ӨОМКА (повѣсть).
КУТЬКА.
ВЪ БУРЮ.
СКАЗКА О ТРЕХЪ ПРИНЦЕ-
САХЪ И О БОЛЬНОМЪ КОРОЛѢ.
ВЕЧЕРЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Столовая для склеиванія.

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Мангусъ.

БЛИЗКІЙ ДРУГЪ.

Я ѣхалъ изъ Калуги въ Москву. Приходилось пересаживаться въ Тулѣ въ тотъ поѣздъ, который шелъ изъ Севастополя. Дождаться приходилось полчаса.

Однажды, когда я сидѣлъ такъ на станціи «Тула» и обѣдалъ, подошелъ Севастопольскій поѣздъ и изъ него вышелъ молодой морякъ, мичманъ или лейтенантъ—не помню. Онъ велъ за собою на веревочкѣ какого-то невиданнаго звѣрка, величиною съ нашу кошку, но съ болѣе длиннымъ и толстымъ хвостомъ. Когда онъ усѣлся за столикъ и потребовалъ себѣ обѣдъ, то звѣрекъ этотъ сталъ на заднія лапки и съ любопытствомъ заглянулъ къ нему въ тарелку. Потомъ звѣрекъ вскочилъ офицеру на плечо и сталъ лапками взбивать ему волоса. Офицеръ обидѣлся на него и спустилъ его на полъ. Тогда звѣрекъ залѣзъ къ нему въ карманъ и вытащилъ изъ него сначала перчатку, а потомъ носовой платокъ. Всѣ присутствовавшіе, и въ томъ числѣ я, очень заинтересовались этимъ животнымъ и когда офицеръ кончилъ и снова пошелъ въ свой вагонъ, то вмѣстѣ съ нимъ въ тотъ-же самый вагонъ послѣдовалъ и я. Такъ мы и ѣхали до самой Москвы въ одномъ вагонѣ.

Возвратясь въ вагонъ, офицеръ досталъ сумку и раскрылъ ее. Звѣрекъ влѣзъ въ нее и свернулся въ ней ка-

лачикомъ. Офицеръ заперъ сумку и повѣсилъ ее на крючокъ. Такъ звѣрекъ и продолжалъ свой путь, сидя въ сумкѣ.

— Позвольте узнать, обратился я къ офицеру,—что это за животное?

— Это мангусъ, отвѣчалъ морякъ,—или, какъ его называютъ англичане,—мунго. Я везу его изъ Индіи, съ острова Цейлона. Тамъ онъ считается домашнимъ животнымъ и его держатъ въ домахъ вмѣсто кошекъ и собакъ. Онъ очень забавенъ. Къ сожалѣнію, онъ такъ безпокоенъ, что можетъ легко надоѣсть. Вотъ вы услышите, что онъ будетъ дѣлать, когда ему наскучитъ сидѣть въ сумкѣ.

И, дѣйствительно, не успѣли мы еще доѣхать до Серпухова, какъ въ сумкѣ поднялась такая возня, что она стала качаться изъ стороны въ сторону на крючкѣ. Затѣмъ началось царапанье въ ней когтями и слышались какіе-то странные крики, похожіе на кваканье нашей лягушки.

— Дѣлать нечего, вздохнулъ офицеръ,—надо выпускать его на волю!

Онъ снялъ сумку и раскрылъ ее. Мангусъ выскочилъ изъ нея, оглядѣлся по сторонамъ, сталъ на заднія лапки и съ любопытствомъ поглядѣлъ въ окно. Затѣмъ онъ вскочилъ на плечо къ своему хозяину, сталъ на немъ на заднія лапки и переднимъ

сталъ ковырять кокарду на его фуражкѣ.

— Вотъ такъ онъ изводитъ меня уже второй мѣсяцъ! съ неудовольствіемъ сказалъ морякъ.—То на плечо, то на голову... Жалью даже, что я его взялъ...

Въ это время мангусъ подозрительно поглядѣлъ на меня и на большое пространство перепрыгнувъ съ его плеча на плечо ко мнѣ. Я его сталъ гладить и ласкать.

— Ну, теперь онъ отъ васъ не отвяжется! сказалъ офицеръ.—Поздравляю васъ!

И дѣйствительно, мангусъ съ любопытствомъ оглядѣлъ каждую пуговицу на моемъ пальто, залѣзъ ко мнѣ въ карманы, вынулъ изъ нихъ все, что въ нихъ находилось, вывернулъ на изнанку перчатку и понюхалъ своимъ острымъ носикомъ въ каждый ея палецъ, залѣзъ ко мнѣ въ боковой карманъ и сталъ съ усердіемъ доставать изъ него бумажникъ. Я предоставилъ ему полную свободу и терпѣливо ожидалъ, что будетъ дальше. Не осиливъ бумажника, мангусъ залѣзъ ко мнѣ въ жилетный карманъ, досталъ изъ него зубочистку и скушалъ ее. Въ это время его хозяинъ захотѣлъ покурить и вложилъ себѣ въ губы папирску. Увидѣвъ это, мангусъ тотчасъ-же прыгнулъ къ нему на колѣни, вырвалъ у него изъ губъ папирску, очистилъ ее отъ бумаги и табакъ съѣлъ.

— Такъ вотъ онъ поступаетъ всю дорогу, проворчалъ офицеръ.—Я ужъ

его нарочно въ сумку посадилъ. Да вотъ не сидитъ тамъ долго!

— Какой очаровательный звѣрекъ! воскликнулъ я.—Какое счастье, что онъ у васъ есть!

Офицеръ поглядѣлъ на меня и какъ-то странно усмѣхнулся.

— Нечего сказать, счастье, вздохнулъ онъ.—Хуже и надоѣдливѣе малаго ребенка! Я думалъ, что съ нимъ возни никакой не будетъ и купилъ его,—а онъ всю дорогу меня изводитъ!

У меня мелькнула надежда.

— Въ такомъ случаѣ не продадите-ли вы его мнѣ? предложилъ я ему.

Офицеръ радостно улыбнулся.

— Да я вамъ его и даромъ подарю! сказалъ онъ.—Только избавьте, пожалуйста, меня отъ него... Вотъ благодѣтель нашелся!

Офицеръ взялъ мангуса въ руки и протянулъ его ко мнѣ.

— Ну, Кири, сказалъ онъ, — иди къ своему новому хозяину!

Затѣмъ онъ снялъ съ крючка сумку и тоже передалъ ее мнѣ.

— А сумка эта вамъ въ придачу, продолжалъ онъ.

Я не зналъ, какъ благодарить. Увидѣвъ сумку, Кири подумалъ, что это хотятъ его сажать въ нее, и самъ послушно влѣзъ въ нее и свернулся клубочкомъ. Я заперъ сумку и приложилъ ее къ своимъ вещамъ.

— А чѣмъ кормить его? спросилъ я офицера, горячо пожимая ему руку.

— Чѣмъ хотите, отвѣтилъ онъ.— Онъ ѣстъ все, начиная съ клоповъ

и мухъ и кончая сахаромъ и табакомъ. Но лучше всего онъ любитъ крысъ и мышей и ядовитыхъ змѣй.

Въ это время поѣздъ пришелъ въ Москву и остановился у вокзала. Я хотѣлъ было еще разъ поблагодарить офицера, но въ вагонъ вдругъ вбѣжала сѣдая дама съ черными бровями, которая, увидѣвъ моряка, бросилась ему на шею.

— Миша! Сынъ! закричала она. — Какъ давно я тебя не видала!

И она стала громко плакать.

Я понялъ, что офицеру не до меня, и вмѣстѣ со своимъ подаркомъ вышелъ изъ вагона.

Было морозно. Въ первое время мой подарокъ сидѣлъ смиренно въ своей сумкѣ, а потомъ сталъ возиться въ ней и кричать. Я подумалъ, что ему холодно, и заглянулъ къ нему въ сумку. Онъ высунулъ изъ нея свою мордочку и съ любопытствомъ сталъ глядѣть по сторонамъ. Я сунулъ его къ себѣ за пазуху и онъ все-таки, сидя тамъ, высовывалъ оттуда свою остренькую мордочку и съ интересомъ поглядывалъ на прохожихъ.

Я остановился въ гостинницѣ, оставилъ мангуса въ номерѣ и отправился затѣмъ по дѣламъ. Когда я вернулся поздно ночью къ себѣ домой и зажегъ свѣчу, то моимъ взорамъ представилась слѣдующая картина: всѣ спички изъ коробки были разсыпаны по полу, чернильница была открыта и вся скатерть на столѣ была покрыта слѣдами чьихъ-то лапокъ; ясно, что въ чернилицу кто-то обмакивалъ

лапки; въ лежавшемъ на комодѣ апельсинѣ была прогрызена узенькая глубокая дырочка; газета была изорвана въ мелкіе кусочки, которые валялись по всей мебели и по всѣмъ угламъ. Все это надѣлалъ мой мангусъ. Я сталъ его искать, да такъ и не нашелъ. Когда-же я вошелъ къ себѣ въ спальню, то увидалъ его на кровати. Онъ забрался въ мою мѣховую шапку, въ которой я пріѣхалъ, и спалъ въ ней, свернувшись клубочкомъ. При моемъ приближеніи онъ вскочилъ, всталъ на заднія лапки и радостно замурлыкалъ.

— Кири, крикнулъ я на него. — Что ты тутъ надѣлалъ?

Онъ вскочилъ ко мнѣ на плечо и прижался къ моей щекѣ. Мнѣ было жаль его наказывать, я легъ и взялъ его къ себѣ на постель. Онъ подлѣзъ подъ одѣяло, прижался къ моимъ ногамъ и такъ мы оба и проспали съ нимъ до утра.

На утро мы снова были уже въ поѣздѣ, мангусъ — попрежнему въ сумкѣ, — и я возвращался къ себѣ домой.

Я жилъ въ маленькомъ городкѣ, недалеко отъ Калуги, занималъ цѣлый домъ и обиталъ въ немъ совершенно одинъ. Кошекъ и собакъ я не держалъ и теперь мангусъ долженъ былъ замѣнить мнѣ друга.

И онъ вполне его замѣнилъ.

Когда я просыпался утромъ, то я слышалъ его возню за стѣною: онъ съ чѣмъ-нибудь игралъ, чаще всего съ катушкой изъ-подъ нитокъ. Одѣв-

шись, я шелъ въ комнату, въ которой онъ у меня помѣшался, и при видѣ меня онъ бросалъ свою забаву, прыгалъ ко мнѣ прямо на руки и старался плотнѣе прижаться къ моему лицу своимъ сѣренькимъ, не очень мягкимъ, мѣхомъ. Затѣмъ я садился варить себѣ кофе. Онъ становился на заднія ножки и съ любопытствомъ заглядывалъ въ самый кофейникъ. Отпивъ кофе, я шелъ къ себѣ въ кабинетъ и начиналъ заниматься. Мангусъ долго приставалъ ко мнѣ, тянулъ меня за штаны и старался отвлечь меня отъ занятій. Когда-же это ему не удавалось, то онъ взбирался на спинку кресла, становился на ней на заднія лапки и такъ просиживалъ, какъ истуканчикъ, пока я не вставалъ изъ за стола. Или-же, ожидая меня, онъ оглядывалъ каждую щелочку въ моемъ кабинетѣ и старался достать изъ нея малѣйшую соринку. Полы въ моей квартирѣ были некрашенные и онъ очень любилъ ковыряться въ ихъ щеляхъ. Вообще это было такое чистоплотное животное, какому могъ бы позавидовать даже человекъ. Если онъ замѣчалъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ соръ, то тотчасъ-же старался раскидать его во всѣ стороны, чтобы его поскорѣе убрали. Если пробѣгалъ рыжій тараканъ или по стеклу ползали мухи, то онъ тотчасъ-же бросался на нихъ и съѣдалъ ихъ. О мышахъ я и не говорю: онъ перевелись на другую-же недѣлю, какъ поселился у меня мангусъ. Его постель, въ углуку на полу, была всегда чиста и акку-

ратна и было забавно смотрѣть, какъ, сидя въ ней, онъ оглаживалъ на себѣ шерсть, умывался и чистилъ коготками зубы.

Въ общемъ онъ былъ некрасивъ, но во всѣхъ его движеніяхъ было столько граціи, столько красоты, что эта его некрасивость какъ-то даже вовсе и не замѣчалась. Этому способствовала также и его безпримѣрная чистота и опрятность, которыхъ я не встрѣчалъ до тѣхъ поръ ни у одного животного, какихъ только зналъ.

Окончивъ свою работу, я шелъ обѣдать. У меня была хозяйшкостарушка Анна Евдокимовна, которая сдавала мнѣ квартиру вмѣстѣ съ обѣдомъ. Когда наступалъ часъ обѣда, то мангусъ уже выходилъ въ прихожую, становился на заднія лапки и начиналъ терпѣливо ее ожидать. Едва только появлялась въ дверяхъ моя хозяйшкa, какъ мангусъ со всѣхъ ногъ бросался въ столовую и садился въ самый уголокъ, въ который я кидалъ ему остатки ѣды. Поѣвши, онъ всякій разъ вытиралъ мордочку лапками, лизалъ затѣмъ лапки и обтиралъ ихъ одна о другую. Это было забавно.

— Точно крыса! говорила всякій разъ моя хозяйшкa, брезгливо глядя на него.—Тѣфу! И охота же вамъ, батюшка, держать въ комнатахъ такую дрянъ?

Послѣ обѣда я отправлялся по дѣламъ и мангусъ оставался одинъ. Иногда ко мнѣ приходили чужіе люди—поговорить со мною объ интере-

совавшихъ ихъ вопросахъ и тогда мой мангусъ подходилъ къ каждому изъ нихъ и къ каждому изъ нихъ аккуратно заглядывалъ въ карманъ или за голенищу сапога, если мой гость ходилъ въ сапогахъ.

По вечерамъ я зажигалъ лампу и начиналъ писать. И всякій разъ меня удивляло слѣдующее обстоятельство: едва только въ лампѣ появлялся огонь, какъ мой мангусъ прыгалъ ко мнѣ на письменный столъ и заглядывалъ прямо въ самое стекло на огонь, поддерживая при этомъ лапками самое стекло. И меня всякій разъ это приводило въ ужасъ и я до сихъ поръ не понимаю, какъ это мой пріятель не обжигалъ себѣ своего любопытнаго носа и лапъ. Затѣмъ мангусъ спрыгивалъ на полъ и принимался за свою обычную чистку щелей въ полу или за игру катушкой изъ-подъ нитокъ. Иногда онъ старался взобраться куда-нибудь повыше и если это ему не удавалось, то онъ тяжело падалъ на полъ, но это только подзадаривало его и онъ снова принимался добиваться своего.

Квартиру я нанималъ съ мебелью. Между прочимъ въ моемъ кабинетѣ стояло какое-то высокое, нелѣпое дерево съ длинными висячими корнями, которые, точно змѣи, спускались отъ его ствола на полъ. Хозяйка очень дорожила имъ и называла его «филодендумъ». Дерево это было поставлено такъ, что его вершина спускалась прямо надъ моимъ письменнымъ столомъ и иногда за-

слоняла собою свѣтъ отъ окна. Въ первое время я отодвигалъ его, но хозяйка всякій разъ упорно придвигала его къ моему письменному столу.

— Пускай оно стоитъ такъ, говорила она.—Вы будете точно въ бѣдкѣ!..

И, отойдя немного къ сторонѣ, она любовалась имъ и говорила:

— Ну, ужъ дерево! Во всемъ городѣ ни у кого такого нѣтъ! Одно слово—филодендумъ!

Однажды вечеромъ я сѣлъ заниматься за письменный столъ. «Филодендумъ» величественно распространялъ надо мною свои кущи. Около меня сидѣлъ мангусъ и подозрительно глядѣлъ на паука, который готовился поужинать мухой.

Какъ вдругъ мангусъ вскочилъ на кресло, съ кресла на его спинку, всталъ на заднія лапки и изъ всѣхъ силъ сдѣлалъ прыжокъ къ пауку. До паука онъ не досталъ, но я удивился, какъ высоко онъ могъ подпрыгнуть. Падая внизъ, онъ свалился на «Филодендумъ» и, ухватившись передними лапками за его вершину, такъ и повисъ въ воздухѣ, какъ разъ надъ моей лампой. Я испугался за него, вскочилъ, чтобы ему помочь, но въ это время раздался трескъ и вся вершина знаменитаго дерева отломилась и вмѣстѣ съ мангусомъ упала ко мнѣ на письменный столъ. Съ него повалилась на полъ чернильница и чернила широко разлились на полу, изъ упав-

шаго подсвѣчника выпала свѣча и далеко откатилась къ стѣнѣ. Вмѣсто того, чтобы испугаться и убѣжать, мангусъ подошелъ къ подсвѣчнику, понюхалъ въ ту дырку, куда вставляется свѣча, и сталъ вычищать изъ нея остатки стеарина.

Пришедшая на мой звонокъ хозяйка, увидѣвъ сломанное дерево, всплеснула руками и чуть не лишилась чувствъ.

— Ахъ, онъ проклятый! закричала она и, схвативъ кочергу, лежащую около топившейся печи, — хотѣла ударить ею мангуса.

Но мангусъ всталъ на заднія лапки и добродушно понюхалъ кончикъ кочерги, которую уже занесла-было надъ нимъ моя хозяйка. Такъ у нея и не хватило силъ его побить. Но этой его проказы она не могла ему простить никогда.

У моей хозяйки былъ дворникъ Ерёмѣй или, какъ она его называла — Ерѣма. Этотъ Ерѣма каждый вечеръ долженъ былъ истопить у меня всѣ печки и закрыть въ нихъ трубы такъ, чтобы не было чада. Чтобы часто не приходиться и не уходить, онъ садился всякій разъ въ уголку въ сѣняхъ и выжидалъ, когда прогорятъ печи. Это были самыя счастливыя минуты для моего мангуса.

— Кири, обращался я къ нему. — Иди, твой пріятель пришелъ!

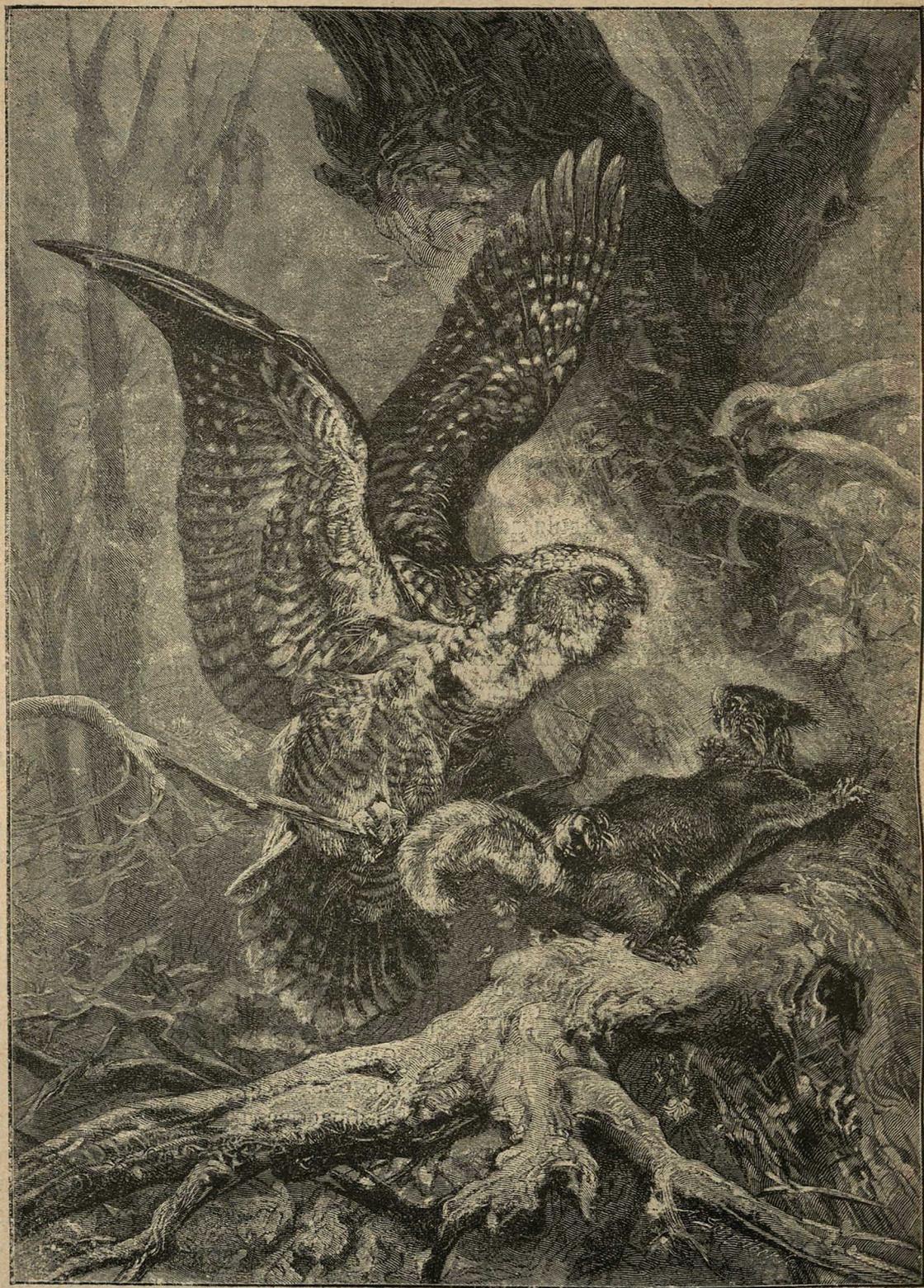
И Кири со всѣхъ ногъ бросался въ прихожую къ Ерѣмѣ на колѣни и тутъ начиналась возня. Ерѣма ложился на полъ и мангусъ дѣлалъ съ

нимъ все, что хотѣлъ. Я сидѣлъ въ кабинетѣ и писалъ и до меня доносились тоже счастливые вопли Ерѣмы, любившаго до смерти съ нимъ играть.

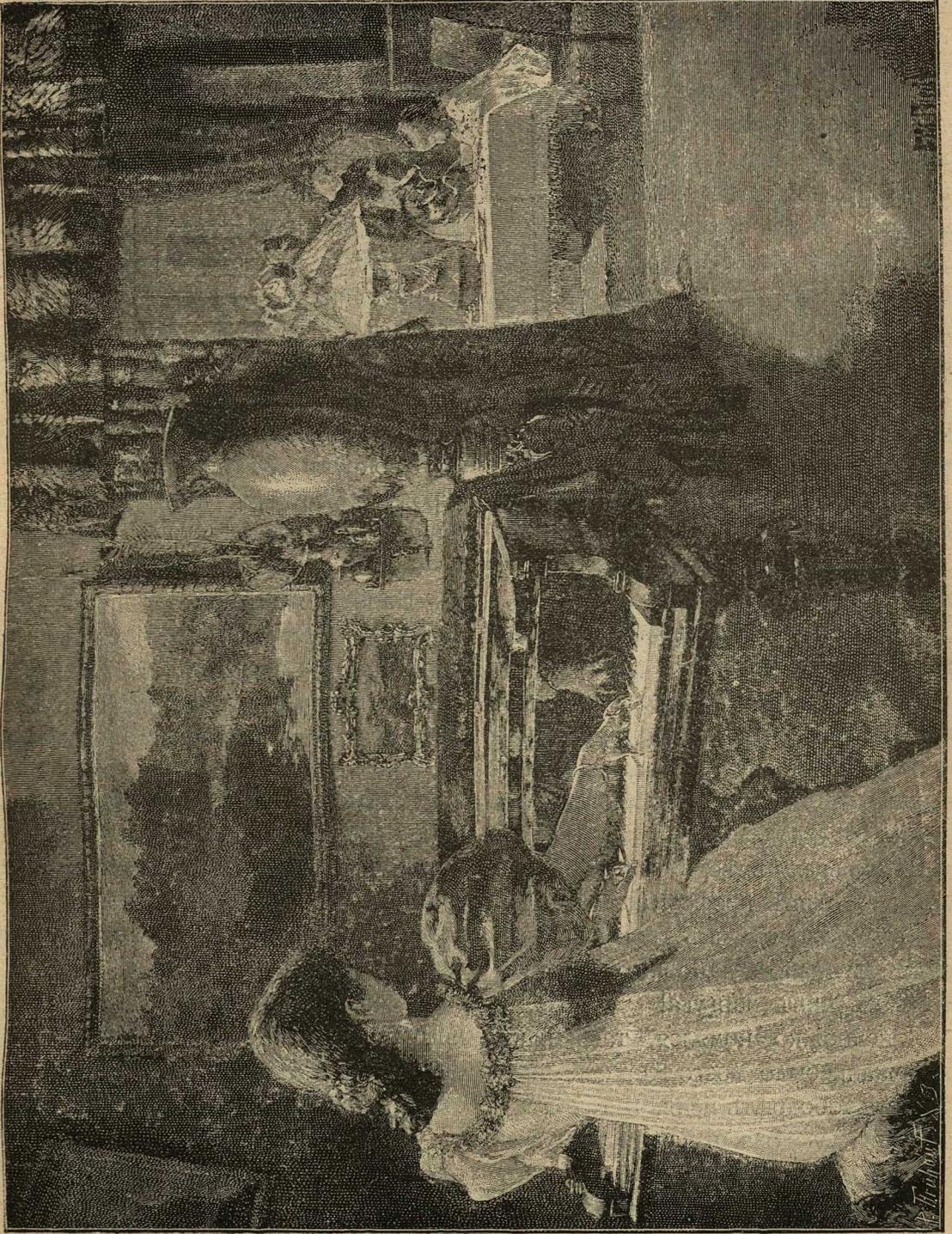
— Ахъ, ты Кирюха, ты Кирюха! повторялъ Ерѣма. — И что это за насѣкомое существо такое? И откуда тебя нашъ баринъ взялъ? Ахъ ты Кирюха, ты Кирюха!

Настала весна. Мои знакомые пригласили меня погостить къ себѣ въ усадьбу, верстъ за тринадцать отъ уѣзднаго города, въ которомъ я жилъ. Я поѣхалъ туда и взялъ съ собою и мангуса. Конечно, онъ скоро завоевалъ себѣ тамъ всеобщее расположеніе и всѣ только и говорили, что о немъ.

Попавъ въ деревню, на свободу, мой мангусъ какъ-то сразу вдругъ перемѣнился. Онъ совсѣмъ пересталъ интересоваться мною и цѣлые дни сталъ проводить гдѣ-нибудь въ кустахъ или въ травѣ, отыскивая тамъ насѣкомыхъ, лягушекъ или разоряя птичьи гнѣзда и истребляя птицъ. Какъ оказалось, охота была его страстью. Совершенно уже сытый, съ плотно набитымъ желудкомъ, онъ бросался на лягушку, перегрызалъ ей голову и бросалъ. Замѣтивъ гдѣ-нибудь плохо скрытое птицей гнѣздо, онъ выбрасывалъ изъ него всѣ яйца вонъ и давилъ ихъ. Если онъ заставалъ въ гнѣздѣ птицу, то, недолго думая, сворачивалъ голову и ей и такъ и оставлялъ ее лежать около гнѣзда. Однимъ словомъ, страсть къ

Сова нападаеъ на бѣлку.

Published by the author, 1851.

H. T. Hunt

разрушенію и порчѣ всего, что плохо лежитъ или плохо скрыто, была у него чрезвычайно велика. И для всѣхъ насъ казалось страннымъ, какъ это такое добродушное животное, какъ мангусъ, и могло причинять столько вреда другимъ животнымъ!

Намъ было грустно это, такъ какъ мы любили и любимъ всѣхъ слабыхъ животныхъ, и въ первое время мы даже какъ-то охладѣли къ нашему любимцу. Мы перестали его ласкать, держали его въ заперти, и онъ чувствовалъ это и очень скучалъ и просился на волю.

Однажды дѣти съ испуганными лицами прибѣжали изъ сада въ домъ.

— Змѣя! Змѣя! кричали они. — Двѣ змѣи!!

— Гдѣ? Гдѣ? встревожились мы и всею семьею побѣжали въ садъ.

Дѣйствительно, на большой липовой аллеѣ, прямо на пескѣ, свернувшись клубочкомъ, грѣлись на солнышкѣ двѣ змѣи. Это были гадюки.

Въ то время вмѣстѣ съ нами жилъ на дачѣ одинъ профессоръ.

— Подождите ихъ трогать! крикнулъ онъ намъ.—Давайте подпустимъ къ нимъ мангуса!

Я немножко помялся, такъ какъ мнѣ жаль было моего Кири, но профессоръ ободрилъ меня, и я сбѣгалъ за нимъ въ домъ и принесъ его въ аллею.

— Подпустите его къ змѣямъ! сказалъ профессоръ.

Я спустилъ мангуса на землю.

Увидѣвъ змѣй, онъ остановился, натопорщился и такъ поднялъ шерсть, что сталъ похожимъ на клубокъ. Съ своей стороны, увидя его, змѣи испугались и высоко подняли свои головы. Мангусъ не двигаясь, продолжалъ на нихъ смотрѣть, а онѣ вытягивались, какъ палки, вверхъ и намъ стало казаться, что онѣ стоятъ только на однихъ своихъ хвостахъ. Затѣмъ съ быстротою молніи мангусъ бросился на одну изъ нихъ и схватилъ ее прямо за голову. Между ними началась борьба. Другая змѣя обвилась вокругъ его тѣла, сжала его и, вѣроятно, мѣшала ему двигаться. Мнѣ стало страшно.

— Она укуситъ его! закричалъ я.—Надо его спасти!

— Не безпокойтесь... отвѣтилъ профессоръ.—Ядъ змѣи для мангуса недѣйствителенъ. Онъ сражается у себя на родинѣ даже съ очковыми змѣями!

И дѣйствительно, покончивъ съ одной змѣей, мой мангусъ какъ-то ловко извернулся, схватилъ зубами прямо за голову и другую, покончилъ и съ ней и, какъ нивъ чемъ не бывало, скромно ушелъ въ кусты.

— Индусы увѣряютъ, обратился ко мнѣ профессоръ, — что укушенный очковою змѣею, мангусъ отыскиваетъ какой-то корешокъ, который съѣдаетъ, и излечивается моментально. И это до нѣкоторой степени вѣрно, потому что наблюдались случаи, когда, весь искусанный змѣями, измученный, почти полумертвый, мангусъ

еле имѣлъ силъ отползти въ сторону и затѣмъ вдругъ, порывшись немного въ землѣ, сразу набирался силъ и, совершенно здоровый, снова бросался въ сраженіе и сражался до тѣхъ поръ, пока не оставался побѣдителемъ.

— А что мангусъ представляетъ изъ себя на родинѣ? спросилъ я у профессора.

— Частью домашнее животное, но въ громадномъ большинствѣ—дикое. Онъ населяетъ весь Индостанъ и весь Индо-Китай, попадаетъ въ Персію, но лучшихъ своихъ качествъ достигаетъ на островахъ Ямаикѣ и Цейлонѣ. Тамъ онъ особенно красивъ и особенно уменъ. Именно тамъ его держатъ туземцы, какъ домашнее животное и какъ друга. Въ дикомъ состояніи мангусъ любитъ селиться по берегамъ рѣкъ, въ заросляхъ, въ рощахъ, въ живыхъ изгородяхъ, въ кустахъ, въ раселинахъ между камнями, но всегда держится вблизи человѣческаго жилья. Къ человѣку онъ привязывается поразительно. У одного естествоиспытателя Стендаля тоже былъ мангусъ. Онъ умѣлъ продѣлывать разные фокусы, былъ обученъ всевозможнымъ штукамъ, ходилъ за своимъ хозяиномъ повсюду, какъ вѣрная собака, и умеръ по немъ отъ тоски: когда его хозяинъ умеръ, то онъ отказался вовсе отъ пищи и умерилъ себя голодомъ.

Въ это время мы проходили мимо кустовъ сирени, въ которыхъ скрылся мой Кири. Заслышавъ наши шаги, онъ выбѣжалъ на дорожку, всталъ

на заднія лапки и, когда я поровнялся съ нимъ, онъ радостно замурлыкалъ. Я взялъ его на руки и отнесъ его въ домъ.

Послѣ побѣды надъ змѣями въ усадьбѣ только и говорили, что о мангусѣ. Всѣ носили его на рукахъ, не знали, чѣмъ накормить, и сосѣдніе помѣщики пріѣзжали поглядѣть на него и привозили своихъ дѣтей. Онъ нравился всѣмъ, но не нравилось въ немъ только то, что онъ безцѣльно разорялъ птичьи гнѣзда и истреблялъ совершенно мирныхъ, безобидныхъ животныхъ. Но былъ въ мангусѣ и еще одинъ большой недостатокъ: почему-то онъ не любилъ босыхъ ногъ. Стоило только ему увидать крестьянскаго мальчика или дѣвочку, проходившихъ босыми ногами черезъ усадьбу, какъ онъ оцетинивался, бросался къ нимъ и кусалъ ихъ за ноги. Въ усадьбѣ каждую среду натирали полотеры полъ. Едва только они снимали съ себя сапоги и принимались за дѣло, какъ откуда-нибудь изъ-подъ шкафа или изъ-подъ сундука на нихъ бросался мангусъ и кусалъ ихъ за ноги.

— Почему это? спросилъ я профессора.

— Индусы объясняютъ это тѣмъ, отвѣтилъ онъ,—что мангусъ предохраняетъ ихъ своими нападеніями на ихъ голыя ноги отъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и змѣй. Онъ насильно будто-бы заставляетъ индусовъ надѣвать на себя обувь. Но не знаю, насколько такое предположеніе вѣрно. Несом-

мнѣнно только то, что за ноги, обу-
тыя въ сапоги и даже въ туфли, ман-
гусы вовсе не хватаютъ.

Когда наступила осень и я возвра-
щался изъ усадьбы домой, то всѣ
ея обитатели не столько провожали
меня, сколько моего мангуса. Его лас-
кали, гладили, старались его лишній
разъ покормить и, когда мы отѣхали,
то мангусъ еще долго, стоя у меня
на колѣняхъ на заднихъ лапкахъ,
смотрѣлъ въ сторону усадьбы.

Дома потянулась для насъ преж-
няя жизнь. Я занимался, мангусъ по-
прежнему, чистилъ отъ сорамалѣйшую
щелочку въ моей квартирѣ и попреж-
нему къ намъ каждый вечеръ при-
ходилъ Ерѣма, ложился на полъ и
всего себя отдавалъ въ распоряже-
ніе Кири.

— Ахъ, ты Кирюха, ты Кирюха!..
опять стали доноситься до меня его
причитанія.—И откуда только нашъ
баринъ тебя взялъ?

Затѣмъ наступила жестокая зима.
Морозы стояли большіе и моя квар-
тира какъ-то сразу вся охолодѣла.
Сколько Ерѣма ни топилъ печи, онѣ
не согрѣвали моего жилища и намъ
съ мангусомъ приходилось дрожать.
Случалось такъ, что бѣдное живот-
ное, чтобы согрѣться, влѣзало въ
истопленную печку и тамъ спало, свер-
нувшись клубочкомъ. Сперва я боялся,
чтобы оно не обожгло, но мангусъ
такъ отлично переносилъ жару, что
вскорѣ я пересталъ за него бояться.
«Филодендумъ» за лѣто засохъ и
теперъ надъ моимъ письменнымъ сто-

ломъ уже не распространялись бо-
лѣе тощія вѣтви и не спускались до
пола его корни-хвосты. Я былъ до-
волень этимъ, но моя хозяйюшка все
еще не могла забыть свое растеніе
и при взглядѣ на мангуса всякій разъ
на него ворчала:

— У, крыса противная! говорила
она.—Какъ я тебя не люблю!

Жестокіе морозы все еще продол-
жались, когда неожиданно я былъ
вызванъ въ Петербургъ. Везти съ со-
бою туда и мангуса было невозмож-
но, я поручилъ его хозяйкѣ и Ерѣмѣ
и отправился на вокзалъ. Мнѣ было
жаль разставаться съ Кири. Прово-
жая меня, онъ мурлыкалъ, вертѣлся
около меня, прыгалъ ко мнѣ на ко-
лѣни и на плечи и всячески старался
показать мнѣ свою привязанность.
Когда же я сѣлъ на извозчика, то
онъ вспрыгнулъ на подоконникъ, сталь
на заднія лапки и долго смотрѣлъ на
меня изъ окна.

— Прощай, Кири! крикнулъ я ему
и поѣхалъ на вокзалъ.

Всю дорогу предо мной стояла его
фигурка и смотрѣла на меня ласко-
выми, хотя и плутоватыми глазами.

Когда я возвратился изъ Петер-
бурга, морозы еще продолжались.
Сбросивъ съ себя шубу, я объѣжалъ
всѣ комнаты въ надеждѣ повидаться
съ Кири, но его нигдѣ не нашель.
Сердце во мнѣ забилося.

— Кири, Кири! звалъ я его, но
онъ нигдѣ не откликался.

Въ это время вошли хозяйюшка и
Ерѣма.

— Гдѣ Кири? спросилъ я у нихъ.
Ерёма грустно опустилъ глаза, а
хозяйка взялась въ боки и весело
сказала:

— Я топила печку и не знала, что
въ ней сидитъ вашъ звѣрь. Онъ тамъ
и сгорѣлъ! Только одна кучка пепла
осталась...

Я опустился въ кресло и не зналъ,
что дѣлать. А хозяйка посмотрѣла

на меня и такъ-же весело продол-
жала:

— А можетъ быть онъ выскочилъ
на улицу въ трубу!

Я посмотрѣлъ на нее и ни слова
ей не сказалъ. Мнѣ было горько и
обидно.

На той-же недѣлѣ я переѣхалъ на
жительство на другую квартиру.

С. Вершининъ.

НА ЦЕРКВИ БЛАГОВѢСТЬ.

На церкви благовѣсть... Несутъ кре-
стить ребенка.

Ему не болѣе одной или двухъ недѣль.
Выходитъ батюшка, кричитъ ребе-
нокъ звонко,

И наполняется водой купель.
Беретъ ребеночка священникъ изъ
пеленокъ,

Чтобъ троекратно въ воду погрузить.
Помазываетъ муромъ и ребенокъ
Начинаетъ жить.

На церкви благовѣсть... Свою ведетъ
невѣсту

Еще совсѣмъ молоденькій женихъ,
Выходитъ батюшка, ставитъ ихъ
на мѣсто

И навсегда соединяетъ ихъ.
Онъ ихъ въ вѣнцахъ обводитъ вокругъ,
наложъ,

Даетъ имъ изъ одной посуды пить.
Мѣняетъ кольца ихъ,— и двое
Начинаютъ жить.

На церкви благовѣсть... Теперь звучитъ уныло...
Покойника приносятъ отпѣвать.
Выходитъ батюшка, беретъ свѣчу, кадило,
Всѣ тоже стали свѣчи зажигать...

Но вотъ послѣдняя ужъ выполнена треба,
Теперь осталось только хоронить...
Душа покойника идетъ на небо
И начинаетъ жить.

Кузнечикъ.

ДРУЖОКЪ и ӨОМКА.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Тетушка Анна Семеновна не была своихъ угрозъ относительно Дружка. Опасаясь новаго сраженія между нимъ и Өомкой, она все время думала о томъ, куда-бы его отдать? Но какъ это сдѣлать? Кому его предложить? Завести его къ татарамъ въ горы,—все равно онъ прибѣжитъ назадъ; если подарить сосѣдямъ, то каждую минуту его можетъ увидѣть Соня. И кого только она ни перепробовала въ своемъ умѣ, она ни на комъ не могла остановить своего выбора и рѣшила ждать.

Какъ-то она вышла погулять. Отойдя отъ своей дачи на довольно большое разстояніе, она увидѣла вдругъ у шоссе странствующаго комедіанта. Очевидно, онъ шелъ изъ Ялты въ Бахчисарай и присѣлъ отдохнуть. Около него стояли двѣ его собаки, съ которыми онъ показывалъ свои представленія. Одна изъ нихъ была наряжена городовымъ, а другая туркомъ. Очень плохо одѣтый и, видимо, усталый, комедіантъ прислонился къ забору чьего-то виноградника и курилъ.

Тетушка подошла къ нему и, чтобы начать разговоръ, стала ласкать его собакъ.

— Хорошія собачки!.. сказала она.—У меня тоже есть одна собака,

пудель, удивительно умная, только жаль, что за ней некому ходить... Вы, какъ я вижу, большой любитель собакъ...

Комедіантъ вынулъ изо рта трубку и лѣниво отвѣтилъ:

— Да...

— Не возьмете-ли вы у меня пуделя?—продолжала тетушка.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же... Мнѣ и своихъ нечѣмъ кормить...

Тетушка достала изъ кармана кошелекъ и протянула къ нему два рубля.

— Вотъ вамъ на его прокормъ,— сказала она.—Только возьмите, пожалуйста, мою собаку съ собой.

Комедіантъ вскочилъ, быстро положилъ деньги въ карманъ и, снявъ шляпу, вѣжливо поклонился тетушкѣ.

— Покорнѣйше васъ благодарю, сударыня... сказалъ онъ.—Съ большимъ удовольствіемъ я возьму вашу собаку себѣ... Прикажите привести ее ко мнѣ сюда!

Тетушка не чуяла подъ собою ногъ. Она чуть не бѣгомъ бросилась къ себѣ домой и, воспользовавшись тѣмъ, что Соня была у «Курилихи», схватила Дружка за ошейникъ, привязала къ нему веревку и сама лично повела его къ комедіанту. Дружокъ до вѣрчиво и послушно слѣдовалъ за ней.

«Теперь ужъ ты не будешь беспокоить моего голубчика», ворчала она дорогой.—«Этотъ человѣкъ тебя заведетъ туда, откуда ты и дороги не найдешь!»

И, подведя пуделя къ комедианту, она передала его ему съ рукъ на руки.

— Мнѣ такъ жаль отдавать вамъ эту собачку... вздохнула она.— Но что будешь дѣлать, если за ней у меня некому присмотрѣть!

Комедиантъ со всѣхъ сторонъ оглядѣлъ Дружка и глаза его радостно заблестали.

— Хорошая собака!.. заговорилъ онъ.—Превосходная собака! Она будетъ у меня работать, какъ настоящій артистъ!

И онъ ласково похлопалъ Дружка по спинѣ.

— Только, пожалуйста, берегите его, сказала тетюшка.—Не давайте ему убѣжать...

— Не безпокойтесь, сударыня, отвѣтилъ комедиантъ и притянулъ Дружка къ себѣ.—Я выучу его разнымъ штукамъ, наряжу его въ костюмъ и онъ будетъ у меня представлять комедію вмѣстѣ съ этими вотъ моими Катаромъ и Прыщомъ.

Онъ указалъ на своихъ собакъ, которыя въ своихъ глупыхъ костюмчикахъ, худыя и голодныя, грѣлись на солнышкѣ и жалобными глазами глядѣли на тетюшку Анну Семеновну.

Передавъ Дружка, тетюшка со спокойнымъ сердцемъ пошла назадъ. Она гордилась собой.

«Ну, что-же... говорила она себѣ.— Этого Дружка нужно было-бы повѣсить, но я даровала ему жизнь и отдала его этому доброму человѣку. Тамъ ему будетъ хорошо!.. Конечно, быть у комедианта гораздо лучше, чѣмъ висѣть на осинѣ, и я поступила очень хорошо, что пощадила животное... Все-таки Божія тварь...»

Когда она пришла домой, то Соня уже возвратилась отъ Курилихи. Не найдя Дружка, дѣвочка встревожилась, стала его звать, и тетюшка разыграла такой испугъ, что его нѣтъ, что Соня подумала, что и впрямь онъ куда-нибудь убѣжалъ. Она стала его ждать, но дни проходили за днями, а бѣдная собака не возвращалась. Теперь для Сони было ясно, что его куда-нибудь завели или убили, и она запечалилась, стала скучать и перестала улыбаться. Она стала плохо ѣсть, часто плакала и замѣтно похудѣла. Это даже обратило на нее вниманіе ея тети Анны Семеновны.

— Надо ее развлечь... обратилась она къ Полѣ.—Сходи пѣшкомъ въ Ялту, купи тамъ куклу и принеси ее сюда. Только больше рубля не давай! Я ее подарю Сонѣ и пусть она играетъ ею!

Поля сходила въ Ялту и всѣ 18 верстъ шла босякомъ, потому что жалко было трепать о камни башмаки. Она приложила свой рубль и принесла изъ Ялты очень красивенькую куколку съ свѣтлыми волосами и глазами, которые открывались и

Это былъ Дружокъ.

закрывались. Куколка эта была одѣта въ розовое кисейное платье, отдѣланное кремовыми кружевами.

Тетушка взяла ее и торжественно понесла ее къ Сонѣ.

— Вотъ тебѣ, кукла! сказала она, ожидая отъ нея благодарностей.

Но Соня даже и не дотронулась до подарка.

— Ты не желаешь ею играть? спросила ее тетя.—Чего-же ты еще хочешь?

— Я хочу видѣть моего Дружка... отвѣтила Соня и стала плакать.

Тетушка строго посмотрѣла на нее, не сказала ничего и вышла изъ комнаты.

Прошло нѣсколько недѣль.

Какъ-то утромъ, зимой, когда выпавшій неожиданно снѣгъ еще лежалъ рыхлымъ пластомъ на землѣ, отворяя дверь на улицу, Поля замѣтила около нея на снѣгу маленькаго человѣчка, который недвижимо лежалъ на животѣ, широко растопыривъ руки.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, мальчикъ? обратилась она къ нему.

Не получивъ отвѣта, она подошла къ нему, потрогала его и увидѣла, что это не мальчикъ, а наряженная въ человѣческой костюмчикъ собака. Поля наклонилась надъ ней и узнала ее. Это былъ Дружокъ. Онъ едва дышалъ и заостенѣлъ отъ холода. На шеѣ у него болтался обрывокъ перегрызенной веревки.

Поля взяла его на руки и внесла его къ себѣ въ кухню. Здѣсь она его раздѣла и придвинувъ ящикъ къ печкѣ, положила въ него Дружка.

— Пусть отогрѣется!.. сказала она.

Онъ открылъ глаза, узналъ кухню и радостно заскулилъ. Она дала ему теплаго молока и, боясь, какъ-бы не встрѣтить по дорогѣ свою барыню или кота Фомку, она опять взяла Дружка на руки и стала подниматься съ нимъ по лѣстницѣ. Дойдя до комнаты Сони, она положила его на

Гордо и степенно онъ несъ въ зубахъ сумочку Сони.

поль и тихонько пріотворила въ нее дверь. Соня уже проснулась.

— А я вамъ, барышня, что-то принесла!.. сказала она ей.

— Что такое? спросила Соня.

жала ее къ себѣ, смѣялась и плакала и не могла больше ничего говорить, кромѣ какъ только:— «Мой Дружокъ! Мой милый, хорошій Дружокъ!»

По первому снѣгу.

Поля вышла за дверь, подняла съ пола Дружка и внесла его въ комнату.

— Дружокъ! воскликнула Соня и, радостно завизжавъ, соскочила съ клеенчатого дивана, на которомъ спала, и бросилась къ собакѣ. Она схватила ее за переднія лапы, при-

А онъ, ея вѣрный Дружокъ, смотрѣлъ на нее скорбными, изстрадавшимися глазами и лизалъ ей руки и лицо.

Тутъ же стояла Поля и, глядя на нихъ, тихонько вытирала у себя слезы.

Узнавши, что возвратился Дружокъ, Анна Семеновна нахмурилась и что-то проворчала.

— Кажется, ужъ послѣ столькихъ мученій, осмѣлилась обратиться къ ней Поля, бѣдная собачка теперь можетъ остаться у насъ?

Тетушка строго посмотрѣла на нее и сказала:

— Не твое дѣло. Все будетъ зависѣть отъ того, какъ эта собака будетъ вести себя съ Оомушкой. Прощу тебя не вмѣшиваться въ хозяйскія дѣла!

Прошло еще семь недѣль. Соня по-прежнему ходила учиться къ Куриликѣ, но Полѣ уже не нужно было больше ее провожать. Эту обязанность взялъ на себя вѣрный Дружокъ, который исполнялъ свою обязанность съ бѣльшимъ усердіемъ, чѣмъ человѣкъ.

Гордо и степенно онъ всякій разъ несъ въ зубахъ сумочку Сони, въ которой лежали ея книжки и тетрадки. И всѣ въ Кучукъ-Василѣ и у Курилихи знали его и, когда онъ шелъ, лавочники провѣряли по нему свои часы: такъ аккуратно онъ шелъ за Соней. Когда же онъ приходилъ къ Куриликѣ, то тамъ это производило всякій разъ настоящій праздникъ. Всѣ мальчишки и дѣвочки бросались къ нему и наперерывъ старались его ласкать и кормить.

— Смотрите, онъ мнѣ подаль лапу! кричала одна дѣвочка.

— А меня лизнулъ прямо въ щеку! кричала другая.

— Смотрите, какъ онъ интересно виляетъ хвостомъ!

— Смотрите, смотрите! Онъ умѣетъ прыгать черезъ стулъ!

И дѣти окружали его со всѣхъ сторонъ, оказывали ему свое вниманіе и онъ послушно исполнялъ все, чего они отъ него хотѣли. Даже четыре кошки Курилихи, которыя сначала ощетиивались на него, теперь поняли, что онъ—славный мальчикъ, и стали вертѣться около него и даже съ нимъ играть. Это понравилось Куриликѣ и она позволила ему ожидать Соню съ утра и до окончанія ученія. Когда было холодно, онъ получилъ позволеніе ожидать свою госпожу въ кухнѣ у Курилихи подъ столомъ, а когда было тепло, то онъ растягивался на полу у дверей въ классѣ и терпѣливо ожидалъ окончанія уроковъ и появленія Сони.

Но наступила весна, ученіе кончилось и г-жа Курилова распустила своихъ учениковъ и ученицъ до сентября. Теперь Соня цѣлые дни должна была уже проводить у тети и для Дружка начались опять опасные дни. То и дѣло онъ встрѣчался съ Оомкой, который ощетиивался на него, шипѣлъ какъ змѣя, и самъ первый задиралъ собаку. Соня и Поля выбились изъ силъ, предостерегая его отъ этихъ встрѣчъ, но въ концѣ концовъ это имъ не удалось.

Однажды, безъ всякаго злого умысла, пудель перескочилъ черезъ корридоръ, чтобы отправиться въ

садъ. Какъ вдругъ изъ полуоткрытой двери на него съ шипѣньемъ набросился котъ, загородилъ ему дорогу, а затѣмъ, прыгнувъ къ нему на голову, съ какимъ-то страннымъ мяуканьемъ вцѣпился ему когтями прямо въ лобъ и чуть не выцарапалъ ему глаза.

— Дружокъ! Дружокъ! закричали съ разныхъ сторонъ, и Соня и Пелагея стараясь прогнать его поскорѣе въ садъ, и побѣжали къ нему, чтобы стащить съ него кота. Но было уже поздно.

Обезумѣвъ отъ боли, не видя ничего отъ ослѣпившей его крови, Дружокъ схватилъ своего обидчика поперекъ спины и нѣсколько разъ больно укусилъ его.

Услышавъ шумъ, тетушка выскочила изъ своей комнаты и, увидя Оомку, лежавшаго на полу, и около него, всего въ крови Дружка, она поняла все и схвативши половую щетку со всѣхъ силъ замахнулась ею на собаку. Но Соня загородила Дружка собой и тяжкій ударъ щеткой пришелся ей прямо по спинѣ.

— Убери его! крикнула ей тетушка.—Иначе я его удавлю!

Соня схватила за ошейникъ Дружка и убѣжала съ нимъ въ свою комнату, а тетушка подняла съ полу «милаго голубчика» и торжественно перенесла его въ его голубую комнату и уложила его въ его постельку. Затѣмъ она послала Полю за тѣмъ татаринѣмъ, который умѣлъ лечить звѣрей. Онъ положилъ Оомкѣ повязку на лапку и забинтовалъ ему

спину и черезъ нѣсколько дней Оомка опять уже сидѣлъ у тетушки за столомъ и пилъ изъ фарфоровой чашечки шоколадъ. Но эта его потасовка не прошла безслѣдно для Дружка.

Тетушка приговорила его къ смертной казни.

Пріѣхалъ изъ Симферополя Вася Милашкинъ. Еще за недѣлю до его пріѣзда его дядюшка приготовлялъ для него комнату, самъ выколачивалъ мебель и устраивалъ для него постель. Онъ сѣздилъ нарочно въ Ялту и купилъ тамъ нѣсколько книгъ ему въ подарокъ и положилъ ихъ у него на столѣ.

— Вотъ пріѣдетъ Васька, мечталъ онъ, — а ему и будетъ что почитать!

И его Васька пріѣхалъ какъ разъ наканунѣ дня своего рожденія. Онъ перешелъ въ слѣдующій классъ, выросъ и возмужалъ и едва повидавшись съ дядей, тотчасъ же взлѣзъ на стѣну и сталъ ожидать не увидитъ ли Соню. Но встревоженная недавней сценой съ Дружкомъ, Соня почти все время не выходила изъ комнаты и зорко не отпускала его отъ себя. Тогда, потерявъ терпѣніе, Вася обратился къ дядюшкѣ съ просьбой пригласить къ нему на день рожденія и Соню и, какъ ни презиралъ дядюшка тетушку, онъ въ угоду племяннику все-таки написалъ къ ней смиренное письмо, въ которомъ просилъ ее отпустить къ нимъ Соню на цѣлый день.

— Напрасно я унижаюсь, сказала дядюшка Васѣ. — Все равно она ее къ намъ не отпуститъ!

Но, къ ихъ удивленію, тетушка отпустила Соню къ сосѣдямъ съ самаго утра. Такая снисходительность удивила даже самоѣ Соню и, заперши Дружка въ своей комнатѣ, она отправилась въ гости, совершенно не подозрѣвая, для чего понадобилось тетушкѣ ея долгое отсутствіе.

— Прощай, Дружокъ, обратилась Соня къ собакѣ. — Будь безъ меня уменъ и сиди смирно. Не смѣй обижать Оомку!

Дружокъ улегся въ уголокъ, похлопалъ ей своимъ хвостомъ и она ушла.

Но едва только ея голосокъ слышался въ сосѣдскомъ саду, какъ тетушка надѣла на себя шляпу и накидку и побѣжала на самую крайнюю дачу, гдѣ жилъ только одинъ старый, пившій запоемъ, лакей.

— Идите! сказала она ему. — Дѣвочка ушла!

Лакей взялъ палку и веревку и отправился вслѣдъ за Анной Семеновной къ ней на дачу. Войдя въ комнату къ Сонѣ, онъ въ первую минуту не могъ оглядѣться въ ней послѣ яркаго дня и сталъ озираться по сторонамъ.

— Гдѣ же она? спросилъ онъ хриплымъ голосомъ. — Гдѣ ваша собака?

Тетушка указала ему въ уголокъ, гдѣ мирно лежалъ Дружокъ.

При видѣ этого чужого человѣка, Дружокъ задрожалъ и тѣснѣе при-

жался къ углу. Тогда лакей нагнулся надъ нимъ и привязалъ ему вокругъ шеи веревку. Дружокъ отъ испуга заворчалъ. Лакей нѣсколько разъ ударилъ его палкой и съ силою потащилъ его вонъ изъ комнаты. Дружокъ упирался, не хотѣлъ итти, но лакей стащилъ его на улицу и все время билъ его по спинѣ своею палкой.

— Слава Богу! съ облегченіемъ вздохнула тетушка. — Теперь уже у меня въ домѣ не будетъ этой дряни!

Соня заигралась съ Васей въ глубинѣ дома и не слышала, какъ визжалъ ея Дружокъ и какъ кричалъ на него лакей.

Выгацивъ собаку изъ Кучукъ-Василя, лакей повелъ ее въ горы, поднялся мимо виноградниковъ и, дойдя до лѣса, остановился около шалаша, въ которомъ жилъ татаринъ Бабай.

Дружокъ упирался, не хотѣлъ итти, но лакей стащилъ его на улицу и все время билъ его по спинѣ своею палкой.

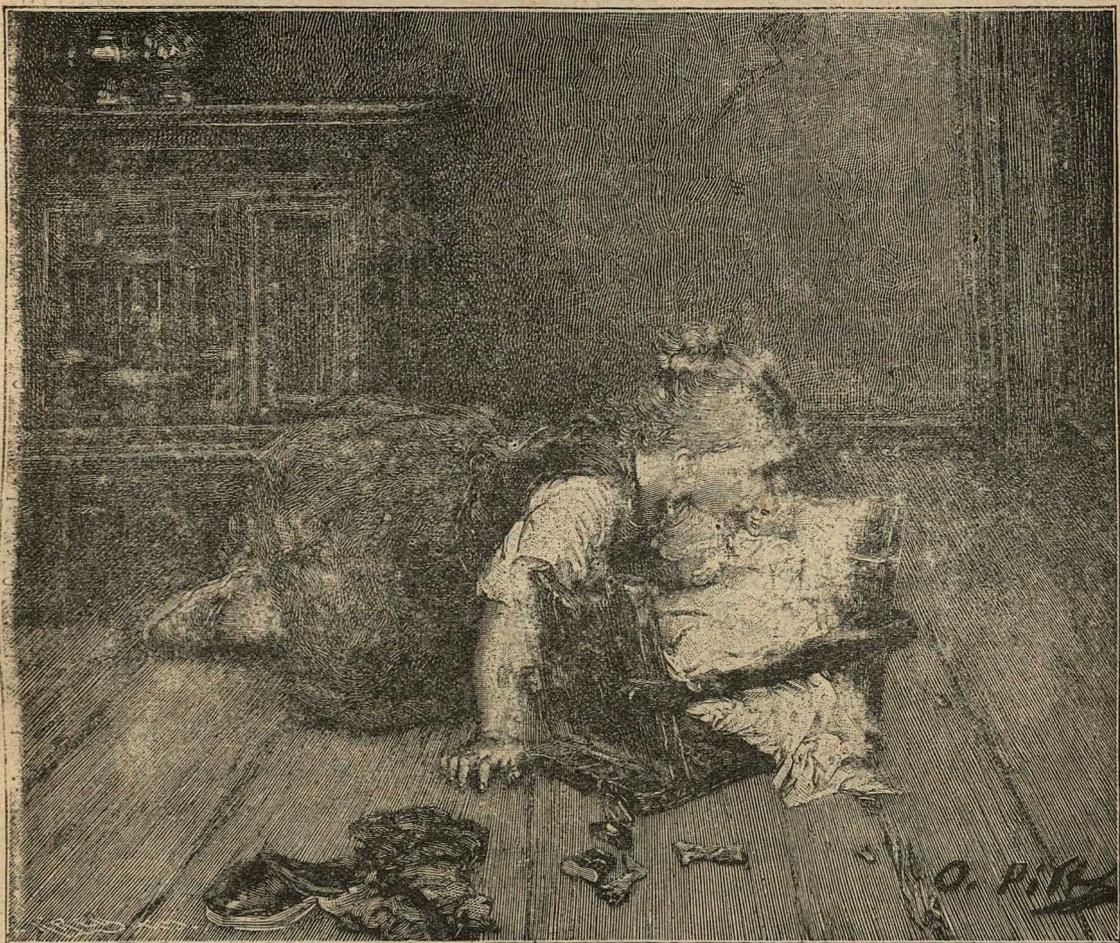
— Бабай, ты дома? спросилъ онъ черезъ затворенную дверь.

— Дома... отвѣтилъ Бабай.

Лакей вошелъ въ шалашъ. Татаринъ сидѣлъ на полу, поджавши подъ себя ноги, и ѣлъ черешни.

— Давай деньги впередъ, сказалъ татаринъ.

Лакей вынулъ изъ жилетнаго кармана два рубля, которые дала ему для этой цѣли тетушка, и передалъ Бабаю.

Спи, моя куколка!

— Хочешь заработать, Бабай, два цѣлковыхъ? обратился къ нему лакей.

— Хочешь... отвѣчалъ татаринъ.

— Избавь меня отъ этой собаки.

Лакей указалъ глазами на Дружка.

— Оставь собаку у меня, сказалъ Бабай, пряча деньги.—Сегодня я буду ходить въ лѣсъ и тамъ буду застрѣлить ее изъ ружья.

Лакей привязалъ Дружка къ столбу, поддерживавшему крышу шалаша,

и прямо отсюда отправился въ кофейную, гдѣ потребовалъ себѣ вина на тѣ деньги, которыя уплатила ему тетюшка за его услугу.

Въ восемь часовъ вечера пришла изъ гостей Соня. Войдя къ себѣ въ комнату, она, къ удивленію своему, не нашла въ ней Дружка. Думая, что онъ гуляетъ по саду, она вышла въ садъ и долго звала его:

— Дружокъ! Дружокъ! Дружокъ!

— Да вы не ищите его, барышня, напрасно... сказала Пелагея, высунувшись изъ окна кухни.—Вашу собаку увели...

— Кто? Когда? испугалась Соня.

— Сегодня утромъ приходилъ съ григорьевской дачи лакей и увелъ ее въ горы.

— Къ кому?

— Должно быть, къ татарину Бабаю... Онъ и все у насъ вѣщаетъ да стрѣляетъ лишникъ кошекъ и собакъ.

Соня поблѣднѣла и схватилась за грудь.

— А гдѣ живетъ этотъ Бабай? едва она имѣла силъ спросить.

— Да вотъ какъ выйти изъ нашего селенія, такъ у мостика свернуть направо и итти все въ горы и въ горы. Пройдя мимо виноградниковъ, упрешься въ самый лѣсъ; тутъ и его шалашъ...

Соня выбѣжала изъ сада на улицу и со всѣхъ ногъ бросилась по указанному пути. Сердце у нея билось, въ вискахъ стучало, на дворѣ уже былъ вечеръ и горы подернулись ту-

маномъ и нахмурились такъ, что ночью нужно было ожидать дождя. Но она все бѣжала и бѣжала, ноги у нея спотыкались, она падала, поднималась и снова продолжала свой путь. Но вотъ ужъ и виноградники, вотъ виднѣется лѣсъ, а вотъ и шалашъ Бабая.

Она входитъ въ него и видитъ какого-то старика. Онъ сидитъ прямо на полу по-турецки и куритъ длинную трубку.

— Вы г-нъ Бабай? обратилась къ нему Соня.

Старикъ вынулъ изо рта трубку и медленно отвѣтилъ:

— Я не Бабай... Бабай ушелъ въ лѣсъ.

— Онъ увелъ какую-нибудь собаку? съ замираніемъ сердца спросила Соня.

— Да, онъ взялъ ружье и увелъ съ собою стриженную, черную собаку.

У Сони похолодѣло подъ сердцемъ.

— Бѣдный, бѣдный Дружокъ! воскликнула она и опустилась у порога.

— Такъ вы идите скорѣе въ лѣсъ, сказалъ ей старикъ.—Быть можетъ, вашъ собака еще живой... Бабай только что повелъ ее съ собою въ лѣсъ.

Соня вскочила на ноги и побѣжала въ лѣсъ, самое имя котораго и таинственная глубина до сихъ поръ казались ей чѣмъ-то страшнымъ и наводили на нее трепетъ.

Свечерѣло уже совсѣмъ, на горы спустились облака и далеко внизу

на дачахъ и въ татарскихъ сакляхъ засвѣтились огоньки. Громадное, безконечное море раскинулось изъ конца въ конецъ и суровыя вѣковыя сосны протянули къ Сонѣ свои похожія на лапы вѣтви. Она вошла въ лѣсъ и скоро исчезла въ его глубинѣ. Скалы, пропасти и камни попадались ей на пути, но она все бѣжала и бѣжала впередъ, сама не зная куда и думая только о своемъ Дружкѣ, съ которымъ такъ жестоко ее разлучали. Звукъ колокольчика раздался гдѣ-то въ кустахъ и чьи-то женскіе крики. Соня побѣжала на нихъ и увидѣла запоздавшую корову и женщину, которая гнала ее домой.

— Ну, иди, иди! кричала на корову женщина.—Насилу тебя нашла! Нечего ужъ тутъ!..

Увидѣвъ дѣвочку одну, въ дремучемъ лѣсу, въ такую позднюю пору, женщина остановилась и поглядѣла ей вслѣдъ.

— Ты, дѣвочка, куда? спросила она ее.—Тамъ вѣдь нѣтъ дороги!

— Вы не видали здѣсь человѣка съ собакой? спросила ее Соня.

— Видала, видала! Они сейчасъ только прошли мимо... Собака еще упиралась и не хотѣла итти... Иди вотъ сюда!

Соня побѣжала по указанному направлению и скоро скрылась въ мрачной глубинѣ суроваго, вѣкового лѣса.

— Дружокъ, Дружокъ! кричала она по пути.

И эхо отвѣчало ей въ пропастьяхъ и горахъ:

«Дружокъ, Дружокъ!»

Вдругъ раздался выстрѣлъ и дробью прокатился по окрестнымъ горамъ.

Соня вздрогнула, сложила руки на груди и опустилась на колѣни.

— Бѣдный мой Дружокъ!.. воскликнула она и стала плакать.

Она плакала, плакала безъ конца, закрывъ лицо руками, а сумерки все сгущались и сгущались вокругъ нея и спустившіяся облака наполнили весь лѣсъ своимъ туманомъ. Когда она успокоилась немного и отняла руки отъ лица, то все вокругъ нея было темно и чуждо и она поняла, что теперь уже поздно возвращаться домой и что она заблудилась безнадежно. Все еще надѣясь, она поднялась съ земли и стала ощупью розыскивать себѣ дорогу. Какіе-то невѣдомые дотолѣ камни выростали у нея на пути, кустарники цѣплялись за ея платье и разрывали его и сосны били ее своими иголками прямо по лицу.

Стемнѣло уже настолько, что стало не видно даже самаго тумана, но она слышала его на своихъ пылавшихъ щекахъ и все шла и шла, надѣясь хоть какъ-нибудь выйти изъ лѣса, но онъ плотнѣе сжимался вокругъ нея и обступалъ ее со всѣхъ сторонъ.

— Боже мой, гдѣ же я? воскликнула она и, испугавшись темноты, со всѣхъ ногъ бросилась впередъ.

Какъ вдругъ земля выскользнула у нея изъ-подъ ногъ, она хотѣла за что-нибудь ухватиться, чтобы не

упасть, но руки ея не нашли въ темнотѣ ничего, и она всею тяжестью своего тѣла повалилась куда-то внизъ. Испустивъ страшный, полный отчаянія, крикъ, она все летѣла и летѣла, то попадая на голые камни, то катясь по мягкой травѣ,

пока наконецъ не ударилась всѣмъ тѣломъ о скалу и не лишилась чувствъ.

Она свалилась въ пропасть.

По **L. Mussat.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

КУТЬКА.

Я лаю, домъ оберегаю,
Хозяевъ искренно люблю,
Прохожихъ за ноги хватаю
И зайцевъ иногда ловлю.

Съ дѣтьми повсюду я гуляю,
Иду, куда они идутъ,
И ласково хвостомъ виляю,
Когда мнѣ ѣсть они дадутъ.

Когда-же мучить меня станутъ,
Тянуть за хвостъ или за усь,
То я молчу: пускай ихъ тянутъ!
Я все-жъ имъ вѣренъ остаюсь.

Аистъ.

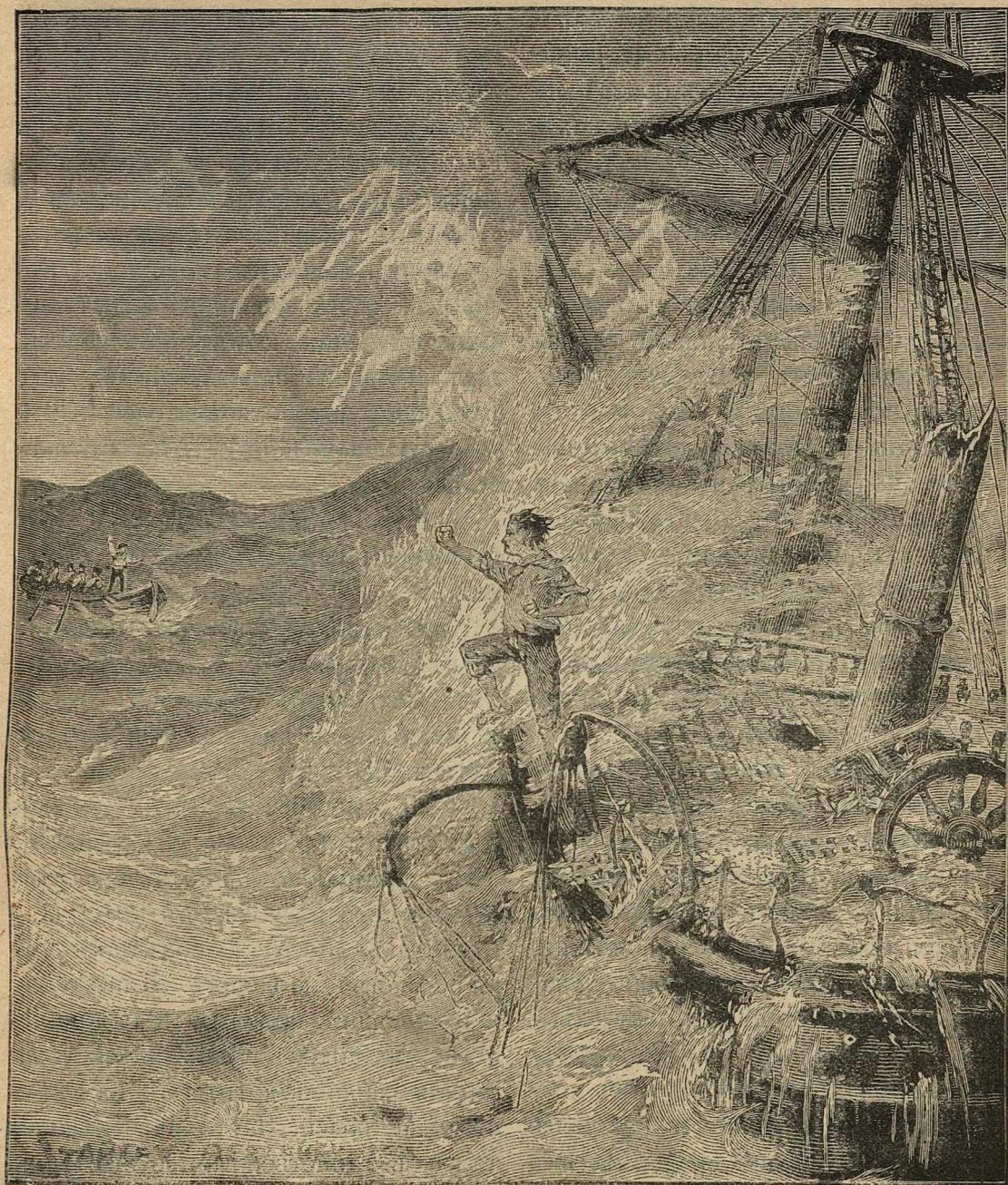
СКАЗКА О ТРЕХЪ ПРИНЦЕССАХЪ И О БОЛЬНОМЪ КОРОЛѢ.

У одного короля было три дочери. У всѣхъ ихъ были глаза цвѣта лазурнаго неба, ихъ волосы были цвѣта колосьевъ, которыми золотились нивы, и нигдѣ въ свѣтѣ нельзя было отыскать такихъ красивыхъ дѣвусекъ, какъ онѣ.

Король, ихъ отецъ, былъ богатъ и добръ. Всѣ три дочери были счастливы около него и едва только наставалъ день, какъ всѣ онѣ пѣли и

смѣялись, ожидая того прекраснаго принца, который нашель-бы ихъ и взялъ-бы которуюнибудь изъ нихъ за себя замужъ.

Однажды вечеромъ король возвратился во дворецъ очень печальный. Самый лучший изъ его рыцарей, котораго онъ любилъ больше всѣхъ, вдругъ умеръ скоростижно отъ какой-то неизвѣстной болѣзни. На слѣдующій день отъ той-же самой

ВЪ БУРЮ.

Въ дождь и непогоду
 Разыгрались волны,
 Съ пѣною и съ ревомъ
 Ударяя въ чѣлны.

Бѣлые барашки
 По морю носились
 И морскія птицы
 Надъ водою вились.

Небо было хмуро,
 Молнія сверкала
 И вода сердито
 Корабли качала.

Тамъ среди утесовъ
 Весь корабль сломался,
 И изъ всѣхъ матросовъ
 Лишь одинъ остался.

О. Поспѣлова.

болѣзни умеръ и другой рыцарь; затѣмъ стали мереть остальные рыцари и каждый день смерть обязательно уносила кого-нибудь изъ нихъ. Уныніе овладѣло всей страной. Зазвонили печально колокола, въ каждой церкви стали служить панихиды и не осталось ни одной семьи, которая не носила-бы траура по комъ-нибудь изъ родныхъ. Король приказалъ привести къ нему мудрецовъ, которые объяснили-бы ему, что это за болѣзнь, но самые мудрейшіе люди его королевства въ недоумѣніи разводили руками и становились втупикъ. Самымъ лучшимъ аптекарямъ было приказано составлять самыя дорогія и сложныя лекарства, но ничто не помогало. Странная болѣзнь продолжала уносить свои жертвы.

Тогда король предался горькому отчаянію и—увы! самъ въ свою очередь заболѣлъ этой болѣзью. Онъ уже считалъ себя совершенно погибшимъ, такъ какъ не было ни малѣйшаго средства отъ этой болѣзни, какъ вдругъ всѣ его придворные увидели, что изъ сосѣдняго лѣса выѣхали сани, запряженные четверкой небольшихъ лошадей. Они, какъ молнія, мчались по полю и наконецъ остановились у самага дворца. Затѣмъ потихоньку они въѣхали въ его дворъ.

Какой-то карликъ сошелъ съ сани и спросилъ, можно-ли видѣть больного короля.

Безъ всякаго доклада больному, слуги тотчасъ провели къ нему это-

го безобразнаго человѣчка. При отсутствіи средствъ отъ ужасной болѣзни были рады всякому, кто взялся-бы вылечить страдавшаго короля. Гость былъ настолько малъ, что долженъ былъ взобраться на скамейку, чтобы разговаривать съ королемъ. Съ своимъ желтымъ, морщинистымъ лицомъ, и съ страннаго вида зелеными глазами, которыя, казалось, такъ и пронизывали насквозь, онъ былъ настолько отвратителенъ, что всѣ слуги невольно отъ него отвернулись.

— Король, сказалъ онъ.— Я знаю средство, которое можетъ исцѣлить тебя!

Король съ облегченіемъ и глубоко вздохнулъ.

— О, говори, простоналъ онъ,— я ничего не пожалѣю, чтобы наградить тебя.

— Я живу въ дикой и уединенной странѣ, продолжалъ карликъ.— Тамъ въ глубокомъ, дремучемъ лѣсу у меня есть избушка, въ которой я и обитаю. Никто до сихъ поръ меня не зналъ и не видалъ. Живя тамъ, я цѣлые дни провожу въ одиночествѣ, предаваясь размышленіямъ и изучая различныя травы и ихъ дѣйствіе на людей. Часто я встрѣчался тамъ съ таинственными существами, которыя населяютъ дремучіе лѣса. Я познакомился съ лѣшими и съ русалками, разговаривалъ съ ними и они сообщили мнѣ свои секреты... Желаетъ-ли ты получить исцѣленіе?

— Желаетъ... отвѣтилъ король.

— Но я предложу тебѣ условія...
Согласенъ-ли ты ихъ исполнить?

— Какія твои условія?

— Я хочу увезти съ собою одну изъ твоихъ дочерей. Слава объ ихъ красотѣ дошла до моего жилища въ глубинѣ дремучаго лѣса и я хочу взять одну изъ нихъ себѣ въ жены. Спроси каждую изъ нихъ, не желаетъ-ли она выйти за меня замужъ? Поговори съ ними. Сегодня вечеромъ я возвращусь къ тебѣ, чтобы узнать твой окончательный отвѣтъ.

И карликъ сѣлъ въ свои санки и уѣхалъ.

Король приказалъ привести къ нему его старшую дочь.

— Дочь моя, обратился онъ къ ней.—Я умираю... Нашу страну посътила тяжкая болѣзнь.. Желаетъ-ли ты и можешь-ли меня спасти?

— Да, отецъ... отвѣтила принцесса.—Но что-же для этого я должна сдѣлать?

Король глубоко вздохнулъ.

— Ты, вѣроятно, видѣла челоуѣка, сказалъ онъ,—который только что былъ у меня?

— Этого карлика съ зелеными глазами? испугалась принцесса.—Говорятъ, онъ живетъ гдѣ-то далеко, въ дремучемъ лѣсу, въ бѣдной лачугѣ, гдѣ кругомъ нѣтъ ни одной живой души...

— Согласилась-ли бы ты выйти за него замужъ?

Старшая дочь посмотрѣла на своего отца и сердце у нея похолодѣло. Не ослышалась-ли она? Дѣйстви-

тельно-ли это сказалъ сейчасъ ея отецъ?

— Согласилась-ли бы ты выйти за него замужъ? повторилъ король.—Только съ этимъ условіемъ онъ и беретъ меня вылечить.

— Отецъ! воскликнула принцесса и залилась горькими слезами.—Требуй отъ меня какой угодно жертвы, но бросить тебя одного съ двумя моими сестрами, чтобы отправиться въ какую-то неизвѣстную страну,—я не могу! Ты вѣдь и самъ говорилъ, что я прекрасна и богата, и вотъ хочешь теперь, чтобы я вышла замужъ за какого-то противнаго уroda, крошечнаго и смѣшнаго на видъ!

Король вздохнулъ и двѣ слезы за-свѣтились у него на глазахъ.

— Хорошо, дочь моя... сказалъ онъ.—Можешь итти. Скажи, чтобы пришла ко мнѣ твоя средняя сестра.

Принцесса удалилась и вмѣсто нея къ королю явилась его средняя дочь.

— Дитя мое, обратился къ ней король,—желаетъ-ли ты, чтобы я выздоровѣлъ?

Дѣвушка бросилась къ нему на шею.

— Да, отецъ, воскликнула она.—Я жизнь свою отдала-бы за то, чтобы только ты былъ здоровъ!

— Выйди замужъ за этого карлика! сказалъ ей отецъ.

Дѣвушка готова была для отца на всякія жертвы, но передъ такою—беспомощно опустила руки; она стала увѣрять отца, что любить его

такъ, какъ ни одна дочь на свѣтѣ, она плакала, говорила, что способна на всевозможныя жертвы, но рѣшительно заявила, что выйти замужъ за этого карлика съ зелеными глазами она не согласится ни за что!

Король посмотрѣлъ на нее грустными глазами, не отвѣтилъ ей ничего, отпустилъ ее и приказалъ привести къ себѣ свою младшую дочь.

Она вошла къ нему, молодая, прекрасная, какъ ангель, и покорно опустила передъ нимъ свои глаза.

— Чего ты хочешь отъ меня, мой бѣдный, изстрадавшійся отецъ? спросила она его.

— Обними меня въ послѣдній разъ... обратился къ ней король.— Я скоро умру.

— О, нѣтъ! воскликнула она.— Я не дамъ тебѣ умереть! Мы тебя спасемъ, мы найдемъ такое лекарство, которое тебѣ поможетъ!

— Такое лекарство стоитъ очень дорого... Для этого пришлось бы сослать тебя въ далекія пустынные страны и заставить тебя силою выйти замужъ...

Дѣвушка выпрямилась во весь свой ростъ и глаза ея засверкали рѣшимостью.

— Если-бы я могла тебя этимъ спасти, сказала она,—то я не боялась-бы ссылки и вышла-бы замужъ даже... даже за этого самаго безобразнаго карлика, который пріѣзжалъ къ тебѣ сейчасъ!

— Да, дорогое дитя мое, отвѣтилъ ей король.— Именно онъ-то, этотъ

самый карликъ, и просить твоей руки. За мое излеченіе онъ требуетъ себѣ въ жены одну изъ васъ...

— Что-жъ такое? Я готова хоть сейчасъ! воскликнула дѣвушка.— Только-бы ты былъ здоровъ!

Король сталъ представлять ей весь ужасъ ея положенія въ дремучемъ лѣсу, вдали отъ людей, но онъ не могъ ее разубѣдить. Она стояла на своемъ и приказала слугамъ, какъ только пріѣдетъ карликъ, тотчасъ-же провести его къ королю. Отецъ не могъ сдержать своихъ слезъ и крѣпко прижалъ свою дочь къ себѣ.

Но вотъ подулъ вѣтеръ, раздался стукъ лошадиныхъ копытъ о затвердѣвшій снѣгъ и на дворъ королевскаго замка снова вѣхалъ на саняхъ карликъ. Его провели прямо къ королю. Увидавъ около него его младшую дочь, онъ поразился ея красотой и съ минуту простоялъ на порогѣ въ дверяхъ, любясь ею. Затѣмъ онъ подошелъ къ королю и протянулъ къ нему флаконъ съ лекарствомъ.

— Прими это лекарство три раза, обратился онъ къ королю,—и ты тотчасъ-же будешь здоровъ. Послѣ этого давай ты его всѣмъ своимъ подданнымъ и всѣ они поправятся и выздоровѣютъ такъ-же, какъ и ты. И эта тяжкая болѣзнь покинетъ твое государство и не возвратится въ него уже болѣе никогда.

Король былъ внѣ себя отъ радости. Онъ выпилъ лекарство и сразу по-

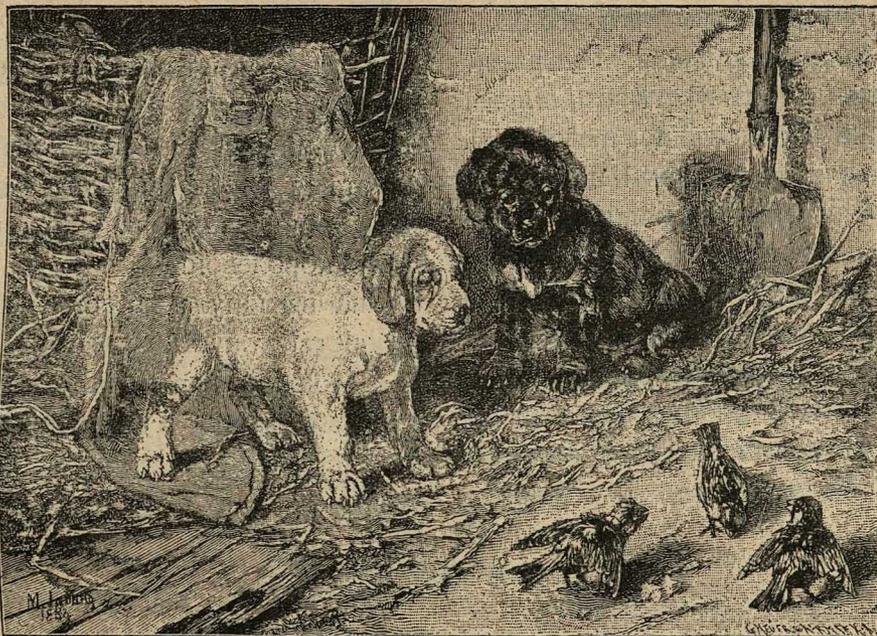
чувствовалъ облегченіе. Послѣ второго приѣма—онъ всталъ ужъ съ постели, а послѣ третьяго весело заходилъ по дворцу. А затѣмъ онъ возвратился къ себѣ въ спальную за лекарствомъ и отправился лечить имъ своихъ подданныхъ.

— Ну, пойдѣмъ-же! обратился къ своей невѣстѣ карликъ.

стыдно своихъ слезъ, она подняла свою головку къ безобразному человѣку и ласково сказала:

— Спасибо тебѣ, что ты спасъ моего отца!

— А ты не обижаешься на меня за то, что я увезъ тебя отъ отца? спросилъ онъ.—Ты не ненавидишь меня за мое безобразіе?

Что это за птицы?

Дѣвушка одѣлась, онъ взялъ ее за руку и молча свелъ ее внизъ и усадилъ къ себѣ въ сани. Она мысленно простилась съ дворцомъ, гдѣ провела столько счастливыхъ дней, карликъ щелкнулъ своимъ бичемъ и лошади понесли, какъ вѣтеръ.

Скоро они были уже въ дремучемъ лѣсу.

Дѣвушка плакала; всю дорогу карликъ молчалъ. Затѣмъ ей стало

Она посмотрѣла на него и улыбнулась.

— Развѣ ты виноватъ, сказала она,—что такъ некрасивъ? Зато у тебя доброе сердце... Ты спасъ моего отца! Если-бы мы не любили людей только за то, что они некрасивы, то мы были-бы не умны!

Этихъ словъ было достаточно для того, чтобы произошло вдругъ чудо. Весь лѣсъ вдругъ засіялъ какимъ-то

необыкновеннымъ свѣтомъ и удивительно нѣжные, ласковые лучи его запрыгали на листьяхъ. Послышались радостные, звенящіе голоса птицъ и самыя вѣтви, казалось, издавали прекрасные, гармоничные звуки.

Въ удивленіи, полная очарованія, принцесса стала глядѣть по сторонамъ. Ей показалось, что вдалекѣ она увидала маленькую, полуразрушенную избушку и она поняла, что это было жилище бѣднаго карлика. Теперь же вмѣсто нея на томъ мѣстѣ возвышался великолѣпный замокъ и передъ нимъ развертывался роскошный цвѣтникъ. На встрѣчу имъ бѣжали слуги и стали посыпать ихъ дорогу душистыми лепестками розъ. Она посмотрѣла рядомъ съ собой въ надеждѣ увидѣть карлика съ зелеными глазами, но вмѣсто него рядомъ съ нею сидѣлъ прекрасный юноша, который ласково ей улыбался и старался

укрыть ее отъ набѣжавшаго вѣтерка.

— Я былъ заколдованъ, сказалъ онъ ей,—и это колдовство должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока я не встрѣчу дѣйствительно добраго человѣка, который пожертвовалъ-бы собою для другихъ и который подъ отвратительной наружностью сьумѣлъ-бы оцѣнить хорошее сердце. И вотъ я нашелъ тебя. Тотъ, кто способенъ жертвовать собою для другихъ и умѣетъ быть ласковымъ сь уродами, достоинъ великой награды. И вотъ я предлагаю тебѣ этотъ замокъ, мою руку и мою корону. Будь здѣсь королевой!

Она взглянула на него и съ благодарностью опустила глаза.

А лошади мчали ихъ къ великолѣпному замку, а въ самомъ замкѣ ихъ ожидали счастье и безмятежная жизнь.

Съ французскаго.

В Е Ч Е Р Ъ .

Солнышко заходитъ,
Вечеръ настаетъ,
Спать дѣтишекъ няня
Ласково зоветъ.

Прочитавъ молитву,
Мальчикъ легъ въ кровать,
Дѣвочка тотчасъ-же
Стала засыпать.

Мягко имъ въ постелькахъ,
Сладко тамъ имъ спать,
И подъ шопоть сказки
Мальчикъ сталъ дремать.

Только няня долго
По ночамъ не спитъ,
Все ворчитъ на спину,
Что она болитъ.

О. П-ва.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова:

- 1) То, что находится въ печахъ (два слога).
- 2) То, что мы видимъ въ деревнѣ (два слога).
- 3) Музыкальный инструментъ (три слога).

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по первому слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ часть нашей одежды.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

II.

Задуманы три слова:

- 1) То, изъ чего дѣлаются рогожи (два слога).
- 2) То, что есть у птицы и на письменномъ столѣ (два слога).
- 3) Фруктъ съ косточкой (два слога).

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по послѣднему слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ домашнее животное.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

III.

Задуманы три слова:

- 1) То, безъ чего нельзя напечатать книгу и сдѣлать тетрадь (три слога).
- 2) Мѣсто, гдѣ ѣздятъ извозчики и ходятъ пѣшеходы (три слога).
- 3) То, что мы видимъ по обѣимъ сторонамъ улицы (три слога).

Взять отъ каждаго изъ этихъ словъ по второму слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ душистую ягоду.

Какія слова задуманы и какая это ягода?

IV.

Задуманы слова, означающія:

- 1) Нѣчто бѣлое, сладкое, твердое, тающее въ водѣ.
- 2) То, чѣмъ рѣжутъ стекла.
- 3) Надоѣдливое насѣкомое, большою частію домашнее.
- 4) Домашнее небольшое животное.
- 5) То, что дѣлаютъ изъ ягодъ.
- 6) Первую книжку школьника.
- 7) Часть человѣческаго тѣла.

Первыя буквы всѣхъ этихъ словъ должны составить названіе предмета, который мы ежедневно видимъ на столѣ.

Какія это слова и какой это предметъ?

V.

Задуманы четыре слова:

- 1) То, что наклеиваютъ на письма.
- 2) Домашнее хищное животное.
- 3) То, по чему течетъ рѣка.
- 4) Часть человѣческаго тѣла.

Первая и послѣдняя буквы каждаго изъ этихъ словъ даютъ собою слогъ. Всего, слѣдовательно, выйдетъ четыре слога. Составить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое означаетъ мучнистое кушанье, очень любимое въ Италіи.

Какія это слова и какое это кушанье?

ГОЛОВОЛОМКА-ШУТКА.

Возьмите часть сороки, конецъ шила и кусокъ муравья. Сложите. Должно получиться названіе голо-
систой птицы, которую всѣ очень
любятъ. Какая птица?

АРИѠМОГРАФЪ.

Задуманное слово состоитъ изъ
девяи буквъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7,
8, 9. Буквы 3, 7, 4, 7, 8, 5 озна-
чаютъ домашнее животное; 3, 5, 6,
3, 5—головной уборъ; 8, 5, 3, 6, 5—
то, что придаетъ блескъ; 6, 7, 8,
5—ночную птицу; 1, 2, 8, 5—корот-
кую, но глубокую и широкую рѣку;
6, 7, 4, 7, 3, 5—птицу; 8, 2, 6, 1,
5—время года; 8, 7, 4, 7, 1, 5—
хищную птицу; 3, 7, 8, 2, 4, 9—
принадлежность гостиной; 7, 8, 2, 6,
9—хлѣбный злакъ; 8, 7, 6, 3, 9—
то, изъ чего дѣлаютъ свѣчи.

Найти эти слова и задуманное
слово, которое составляетъ фамилію
знаменитаго русскаго писателя.

*Рѣшеніе шуточныхъ вопросовъ, ша-
радъ, головоломокъ и ребуса, помѣщен-
ныхъ въ № 18 „Золотою Дѣтства“.*

Шуточные вопросы: 1) Совпаденіе
(совъ-паденіе). 2) Тѣмъ, что слонъ

можетъ къ стѣнѣ прислониться, а
рояль прироялиться не можетъ.

Шарады: 1) Волъ + осы = волосы.
2) Сто + лица = столица. 3) Градъ +
усть = градусъ.

Головоломки I. ...ко + мар... (ко-
маръ), ...тара + кан... (тараканъ),
...оса..., ...ба + бочка (бабочка), ...па +
+ ук... (паукъ), ...бъ + лоха... (блоха),
...муха, ...та + ранъ + тул... (таран-
туль, ...черъ + ви... (черви), ...жу +
+ къ (жукъ), ...тру + тен... (трутень),
...жъ + уже + лица (жужелица), ...са +
+ ранъ + ча (саранча), ...мошка.

II. *Налимъ, Ель, Кошка, Рука,
Арбузь, Соня (можно и Сурокъ),
Овца, Вино, Ъ = Некрасовъ.*

Ребусъ. Разъ + судокъ + часть + то +
+ изба + въ ля етъ + чело + вѣка +
+ отъ + н + ужъ + ды = Разсудокъ
часто избавляетъ человѣка отъ нужды.

Вприня рѣшенія прислали: Шета Мякишева
изъ Севастополя, Маруся Волкова изъ Омска,
Вѣра и Надя фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Вѣра
Львова изъ Череповца, Варуся и Лена Пути-
лины изъ Бобринца, Роза Рейсеръ изъ Шполы,
Миля Вайнштейнъ изъ Алѣшекъ, Валя Смѣ-
ловская, Lydie Smirnoff изъ Парижа (Франція),
Марина Петрова изъ Харькова, Шура Ивановъ,
Лиза Куркина въ Спб., Коля Никифоровскій
изъ Екатериновки, Николай Соловьевъ въ Спб.
Ларя Митрофанова изъ Кіева, Миша Налимовъ,
Митя Рукинъ, Соня Игнатъева изъ Ольшевки,
Ляля Кошкина изъ Москвы, Женя Огородни-
ковъ изъ Саратова и многіе другіе.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)
подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.,
на полгода — 1 руб. 90 коп.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ — въ **Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3;** б) для городскихъ подписчиковъ — въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.
За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ЧАСТНАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ

В. Ѳ. ѲЕДОРОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПЕТ. СТ., Б. ГРЕБЕЦКАЯ, 12, СОБСТВЕННОЕ ЗДАНИЕ.

Всѣ **восемь** классовъ. Элементарная школа. Дѣтскій садъ.

Основательное изученіе новыхъ языковъ. Физическое и эстетическое развитіе учащихся. Изученіе математики и физики по программѣ мужскихъ гимназій. Латинскій языкъ (для желающихъ).

Окончившія VIII-й классъ получаютъ аттестатъ на званіе домашней учительницы или наставницы и право: 1) поступить на Высшіе Женскіе Курсы и 2) имѣть аттестатъ зрѣлости (для изучившихъ латинскій языкъ).

Приемъ въ VIII-й классъ по аттестатамъ объ окончаніи гимназій или института — **безъ экзамена.**

Плата: отъ 60 руб. до 130 руб. въ годъ, въ VIII кл. — 150 руб. въ годъ.

Подробности письменно по требованію.

Телефонъ 294—72.